Проф. Д. М. Петрушевскій.

КЪ ВОПРОСУ
О ЛОГИЧЕСКОМЪ СТИЛѢ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Отдѣльный оттискъ
изъ «Извѣстій Политехническаго Института Императора Петра Великаго»
1915 г. Томъ XXIV.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

1 071
23

Проф. Д. М. Петрушевскій.

КЪ ВОПРОСУ О ЛОГИЧЕСКОМЪ СТИЛѢ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Отдѣльный оттискъ
изъ «Извѣстій Политехническаго Института Императора Петра Великаго»
1915 г. Томъ XXIV.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Типографія Р. Г. Шредера. Гороховая, 49

1766
20

Петроградъ, дозволено военной цензурой 16-го марта 1916 г.

Къ вопросу о логическомъ стилѣ исторической науки.

Д. Петрушевскій.

I.

Основная задача науки—преодолѣть безконечное разнообразіе бытія путемъ переработки его въ понятія.

Это упрощеніе, эта стилизація безконечно сложной и разнообразной дѣйствительности путемъ переработки ея въ систему болѣе и менѣе общихъ понятій одинаково необходима и въ интересахъ чисто теоретическихъ, познавательныхъ, и въ интересахъ чисто практическихъ, въ интересахъ практической оріентировки на почвѣ этой дѣйствительности въ смыслѣ приспособленія къ ней и воздѣйствія на нее.

И теоретическимъ, и практическимъ интересамъ вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ доводить переработку дѣйствительности до полной общности образовываемыхъ этимъ путемъ понятій, до полнаго уничтоженія въ нихъ всякихъ слѣдовъ конкретнаго, такъ и останавливаться въ этой переработкѣ на томъ или иномъ пунктѣ, оставляя въ понятіяхъ ту или иную мѣру конкретности и тѣмъ дѣлая ихъ непосредственно примѣнимыми къ данной конкретной дѣйствительности, по той или иной причинѣ интересующей насъ своими индивидуальными особенностями. Данной конкретной и индивидуальной дѣйствительностью (а дѣйствительность непосредственно воспринимается нами лишь во всей своей конкретности и индивидуальности) мы можемъ научно интересоваться съ двухъ точекъ зрѣнія: или какъ матеріаломъ для образованія общихъ понятій, постепенно восходящихъ до полнаго отрѣшенія отъ

всего конкретнаго и индивидуальнаго, или же желая понять эту дѣйствительность какъ индивидуальную конкретную комбинацію, выдѣляемую нами изъ всего комплекса безконечно разнообразной и сложной дѣйствительности, по той или иной причинѣ интересующую насъ своей конкретной индивидуальностью. Въ первомъ случаѣ мы разсматриваемъ каждый отдѣльный объектъ лишь какъ типическій экземпляръ въ безконечномъ рядѣ ему подобныхъ, лишь съ той его стороны, какой онъ похожъ на остальные объекты того же ряда, и въ результатѣ получаемъ совершенно общія, чистыя понятія, обладающія широкой и даже всеобщей приложимостью къ дѣйствительности, имѣющія характеръ законовъ, формулирующихъ постоянныя, вѣчныя отношенія между явленіями. Во второмъ случаѣ задача наша нѣсколько иная, болѣе скромная и узкая: не выясненіе вѣчныхъ, постоянныхъ отношеній между тѣми или иными явленіями безконечной и безконечно разнообразной и сложной дѣйствительности имѣемъ мы въ виду, но лишь стремимся понять данную частную, конкретную и индивидуальную комбинацію дѣйствительности въ ея конкретности и индивидуальности, стремимся образовать понятіе, не претендующее на сколько-нибудь широкую приложимость къ дѣйствительности, не выходящее въ своей приложимости за предѣлы данной индивидуальной комбинаціи дѣйствительности. Въ первомъ случаѣ наука выступаетъ передъ нами какъ наука объ общемъ, наука генерализирующая, во второмъ случаѣ какъ наука объ индивидуальномъ, о конкретномъ, наука индивидуализирующая. Если задачей науки объ общемъ является образованіе совершенно общихъ, чистыхъ понятій, обладающихъ всеобщей приложимостью, формулирующихъ постоянныя, вѣчныя отношенія между явленіями дѣйствительности, то наука объ индивидуальномъ, о конкретномъ видитъ свою задачу въ образованіи понятій съ болѣе узкимъ, конкретнымъ содержаніемъ, стремящихся охватить лишь данную конкретную и индивидуальную комбинацію дѣйствительности въ ея конкретности и индивидуальности и не претендующихъ на значеніе общихъ законовъ.

Но понять данную конкретную комбинацію въ ея конкретности и индивидуальности возможно лишь тогда, когда мы предварительно знаемъ постоянныя, вѣчныя отношенія между явленіями, индивидуальную комбинацію которыхъ мы хотимъ понять. Изучать дѣйствительность съ точки зрѣнія науки объ индивидуальномъ, иначе говоря – индивидуализирующимъ методомъ, можно, лишь вооружившись знаніемъ, добытымъ путемъ изученія дѣйствительности съ точки зрѣнія науки объ общемъ, науки генерализирующей, иначе говоря— съ помощью генерализирующаго метода; наука объ индивидуальномъ имѣетъ своей необходимой предпосылкой науку объ общемъ. Можно сказать, что изученіе данной конкретной комбинаціи въ ея индивидуальности состоитъ въ изученіи игры вѣчныхъ, постоянныхъ отношеній между явленіями въ опредѣленныхъ индивидуальныхъ условіяхъ мѣста и времени. Эта игра со всѣми ея конкретными и индивидуальными особенностями интересна въ равной мѣрѣ и для науки объ индивидуальномъ, и для науки объ общемъ. Лишь изученіе конкретнаго въ самыхъ разнообразныхъ его комбинаціяхъ ведетъ къ образованію общихъ понятій. Но если для науки объ общемъ это конкретное—лишь матеріалъ, который она перерабатываетъ въ общія понятія, если конкретное интересуетъ ее не само по себѣ, не своей конкретностью и индивидуальностью, а лишь игрой въ немъ общаго, то для науки объ индивидуальномъ, конкретномъ какъ разъ и интересны тѣ конкретныя и индивидуальныя формы, въ какихъ эта игра происходитъ. Но понять частное, конкретное, индивидуальное значитъ узнать общее въ его конкретной оболочкѣ, перевести общее на конкретный языкъ, вернуть общему понятію его конкретное содержаніе. Если только черезъ конкретное, частное, индивидуальное познается общее, а не какимъ-либо инымъ путемъ, то, съ другой стороны, только съ помощью общаго познается конкретное, частное, индивидуальное.

Наука объ общемъ и наука объ индивидуальномъ отправляются отъ изученія одного и того же конкретнаго матеріала и приступаютъ къ его изученію, вооруженныя одними

и тѣми же общими понятіями. Но въ то время, какъ наука объ общемъ ищетъ въ конкретномъ общаго, провѣряетъ на изученіи конкретнаго свои общія понятія, видя въ этомъ изученіи лишь средство для достиженія своей цѣли—образованія общихъ понятій, наука объ индивидуальномъ въ изученіи конкретнаго въ его конкретности и индивидуальности и видитъ свою главную задачу, и тѣ общія понятія, съ которыми она приступаетъ къ этому изученію, служатъ для нея лишь средствомъ, безъ котораго она не можетъ достигнуть своей цѣли—разобраться въ данной конкретной комбинаціи, понять ее въ ея конкретной индивидуальности, перевести ее на языкъ общихъ понятій съ индивидуальнымъ, конкретнымъ содержаніемъ. Тѣсная, органическая связь между наукой объ общемъ и наукой объ индивидуальномъ едва ли нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Наука объ общемъ не мыслима безъ науки объ индивидуальномъ, равно какъ и наука объ индивидуальномъ, конкретномъ не мыслима безъ науки объ общемъ. Можно даже сказать, что наука объ общемъ и наука объ индивидуальномъ, это—двѣ стороны одной и той же науки, два ея аспекта, два подхода ея къ конкретной дѣйствительности.

II.

Каковъ логическій стиль исторической науки? Является ли историческая наука наукой индивидуализирующей или же наукой генерализирующей? Изучая прошлое человѣческихъ обществъ во всей его конкретности и индивидуальности какъ свой непосредственно данный сырой матеріалъ, должна ли историческая наука ограничить свою задачу выясненіемъ индивидуальной исторіи того или иного общества въ ея индивидуальности и конкретности въ его цѣломъ или съ той или иной его стороны и тѣхъ или иныхъ конкретныхъ и индивидуальныхъ связей, какими соединены между собою въ своемъ историческомъ развитіи тѣ или иныя конкретныя общества съ той или иной стороны, или же въ сферу ея компетенціи входитъ и выясненіе постоянныхъ отношеній

между явленіями, составляющими содержаніе историческаго развитія всякаго человѣческаго общества, фазисовъ и законовъ общественнаго развитія? Должна ли историческая наука, перерабатывая сырой матеріалъ исторической жизни въ понятія, не выходить за предѣлы понятій съ конкретнымъ, индивидуальнымъ содержаніемъ, конкретно-историческихъ категорій, примѣнимыхъ лишь къ исторической дѣйствительности, ограниченной опредѣленными предѣлами мѣста и времени, или же въ ея компетенцію входитъ и образованіе общихъ понятій, имѣющихъ общую примѣнимость къ явленіямъ историческаго развитія, образованіе чистыхъ, соціологическихъ категорій?

Изложенныя выше общія соображенія какъ-будто дѣлаютъ излишнимъ постановку этихъ вопросовъ. Разъ мы говоримъ объ исторической наукѣ, то, казалось бы, все то, что мы говорили о логическомъ стилѣ науки вообще, относится и къ наукѣ исторической. Если всякая наука является и наукой объ общемъ, и наукой объ индивидуальномъ и не можетъ быть наукой объ общемъ, не будучи и наукой объ индивидуальномъ, и, наоборотъ, не можетъ быть наукой объ индивидуальномъ, не будучи и наукой объ общемъ, то почему историческая наука должна занимать какое-то особенное положеніе и ея логическій стиль долженъ требовать особаго разсмотрѣнія?

И тѣмъ не менѣе приходится ставить эти вопросы и входить въ особое ихъ разсмотрѣніе примѣнительно къ исторической наукѣ. Риккертъ и его школа слишкомъ опредѣленно выдѣлили исторію изъ категоріи наукъ объ общемъ, видя самую сущность ея въ ея индивидуализирующемъ характерѣ, и утвердили за ней въ научномъ обиходѣ вполнѣ опредѣленную логическую позицію, совершенно несовмѣстимую съ генерализирующими функціями. „Всегда и всюду историкъ стремится понять историческій предметъ—будь это какая-нибудь личность, народъ, эпоха, экономическое или политическое, религіозное или художественное движеніе—какъ единое цѣлое, въ его единственности и никогда не повторяющейся индивидуальности и изобразить его та-

кимъ, „какимъ никакая другая дѣйствительность не можетъ замѣнить его. Поэтому исторія, поскольку конечной цѣлью ея является изображеніе объекта во всей его цѣлостности, не можетъ пользоваться генерализирующимъ методомъ, ибо послѣдній, игнорируя единичное, какъ таковое, и отвлекаясь отъ всего индивидуальнаго, ведетъ къ прямой логической противоположности того, къ чему стремится исторія“ [1]). „Исторія, которая трактуетъ о людяхъ, ихъ учрежденіяхъ и дѣяніяхъ, можетъ быть названа лишь индивидуализирующей наукой о культурѣ, если мы будемъ имѣть въ виду ея послѣднія цѣли. Цѣлью ея всегда является изображеніе единичнаго, болѣе или менѣе обширнаго хода развитія во всей его единственности и индивидуальности...“ [2]). Риккертъ не отрицаетъ того, что „ту дѣйствительность, которую разсматриваетъ исторія“, можно „подводить подъ общія понятія“, но онъ утверждаетъ, что „по логической сущности своей историческая наука, поскольку она себя сознаетъ, совсѣмъ и не хочетъ обрабатывать дѣйствительность съ точки зрѣнія общаго, а не хочетъ она этого дѣлать потому, что на этомъ пути для нея невозможно достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя она, какъ исторія, себѣ ставитъ“ [3]). Эти цѣли опредѣляютъ „логическую структуру результатовъ историческаго изслѣдованія. Результаты же этого изслѣдованія, являясь пригоднымъ средствомъ для достиженія цѣли, могутъ состоять изъ однихъ лишь понятій съ индивидуальнымъ содержаніемъ“ [4]). Риккертъ не отрицаетъ того, что „на пути къ своей цѣли“ „исторія нуждается въ общихъ понятіяхъ и, стало быть, прибѣгаетъ къ услугамъ генерализирующаго метода, точно такъ же, какъ и обратно, генерализирующія науки не могутъ обойтись безъ изображенія индивидуальнаго, служащаго исходнымъ пунктомъ при построеніи общихъ

---

[1]) Генрихъ Риккертъ. Философія исторіи. Перев. съ нѣм. С. Гессена, стр. 27—8.

[2]) Ibid., 74.

[3]) Ibid., 27.

[4]) Ibid., 29.

понятій“ [1]). Опредѣляя роль общихъ понятій въ исторической наукѣ, Риккертъ говоритъ, что „всѣ элементы историческихъ сужденій и понятій общихъ“, и что „исторія, слѣдовательно, всегда прибѣгаетъ къ помощи общихъ понятій о дѣйствительности, пользуясь ими какъ послѣдними элементами для своихъ индивидуальныхъ понятій и, лишь извѣстнымъ образомъ сочетая эти общіе элементы, она даетъ намъ индивидуализирующее изображеніе дѣйствительности“ [2]). „Но этимъ не исчерпывается значеніе общихъ понятій въ исторіи. Они также необходимы и при установленіи исторической связи. Различныя стадіи историческаго ряда развитія, а также историческій объектъ и окружающая его среда соединяются между собою при посредствѣ причинной связи“ [3]). „Постичь необходимость, съ которой изъ опредѣленной индивидуальной, никогда не повторяющейся причины вытекаетъ опредѣленное индивидуальное, никогда не повторяющееся дѣйствіе, мы можемъ лишь при посредствѣ пространственной и временной „схемы“ того, что повсюду и всегда было, есть и будетъ, и потому съ научнымъ изображеніемъ даже всякой индивидуальной причинной необходимости постоянно связано построеніе общаго понятія или, гдѣ это достижимо, общаго причиннаго закона“ [4]). „Такимъ образомъ, внутри самой исторической науки индивидуализирующій методъ можетъ быть самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ генерализирующимъ. Этимъ именно и объясняется стремленіе сдѣлать изъ исторіи науку, формулирующую законы“ [5]). Риккерту эти „попытки превратить исторію въ естествознаніе“ кажутся „безсмысленными“ [6]). „Продукты генерализирующаго мышленія являются для нея (исторіи), всегда лишь обходными путями или средствами; подобно общимъ

[1]) Ibid., 28—29.
[2]) Ibid., 38.
[3]) Ibid., 38;
[4]) Idid., 40—1.
[5]) Ibid., 42.
[6]) Генрихъ Риккертъ. Науки о природѣ и науки о культурѣ. Перев. подъ ред. С. О. Гессена, стр. 124.

элементамъ всѣхъ вообще историческихъ понятій, они служатъ лишь средствами для индивидуализирующаго изображенія историческаго цѣлаго“ [1]).

Мы привели самыя, на нашъ взглядъ, характерныя заявленія Риккерта о логическомъ существѣ исторической науки, какъ онъ его себѣ представляетъ. Правда, онъ очень много страницъ въ своихъ трудахъ посвящаетъ выясненію особенностей исторіи какъ науки о культурѣ и даже конструируетъ для исторіи, какъ и для остальныхъ наукъ о культурѣ, особый имъ присущій методъ отнесенія къ цѣнности. Но нельзя не признать, что ясность и опредѣленность, въ большой мѣрѣ присущая мысли Риккерта, въ этихъ разсужденіяхъ его уступаетъ мѣсто крайней неясности и неопредѣленности, граничащихъ подчасъ со спутанностью и противорѣчивостью. Рѣшительно заявляя, что понятіе культуры даетъ не только матеріальный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и формальный принципъ для дѣленія наукъ на науки о природѣ и науки о культурѣ, что науки о культурѣ образуютъ свои понятія съ помощью особаго имъ присущаго метода отнесенія изучаемыхъ ими явленій къ общеобязательнымъ культурнымъ цѣнностямъ, который и есть по существу методъ индивидуализирующій, тогда какъ науки о природѣ изучаютъ свои объекты внѣ всякой связи съ культурными цѣнностями, интересуясь ими лишь какъ экземплярами болѣе или менѣе общаго понятія, Риккертъ въ то же время не отрицаетъ того, что и „явленія культуры, несмотря на отнесеніе къ цѣнности, могутъ быть разсматриваемы генерализирующимъ способомъ“, и указываетъ на психологію, языковѣдѣніе, юриспруденцію, политическую экономію, которыя примѣняютъ методъ, хотя и не совпадающій, по его мнѣнію, съ методомъ генерализирующихъ наукъ о природѣ, но и не являющійся чисто историческимъ, т. е. индивидуализирующимъ [2]). Такихъ колебаній въ изложеніи Риккерта по этому вопросу не мало, и нельзя сказать, чтобы ему удалось провести принципіально-методологическую границу между на-

[1]) Г. Риккертъ. Философія исторіи, стр. 42—3.

[2]) Ibid., стр. 73.

уками о природѣ и науками о культурѣ и доказать, что науки о культурѣ по логическому существу своему являются науками индивидуализирующими въ противоположность наукамъ о природѣ какъ наукамъ генерализирующимъ. Да и трудно ему было это сдѣлать, помимо всего прочаго, уже и потому, что и собственная его позиція въ этомъ пунктѣ далека отъ опредѣленности. Это освобождаетъ насъ отъ необходимости входить въ разсмотрѣніе этого пункуа, выяснять методологическую цѣнность „метода“ отнесенія къ культурнымъ цѣнностямъ, будто бы присущаго наукамъ о культурѣ вообще и исторической наукѣ въ частности, и ограничить наше вниманіе изложенными выше соображеніями Риккерта.

Какъ мы видѣли, Риккертъ опредѣляетъ исторію какъ лишь „индивидуализирующую науку о культурѣ“, прилагательнымъ „индивидуализирующій“ ясно желая выдѣлить ее изъ ряда другихъ наукъ о культурѣ, которыя изучаютъ явленія культуры генерализирующимъ или по крайней мѣрѣ близкимъ къ генерализирующему методу способомъ. Что исторія есть наука о культурѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ понимаетъ ее и самъ Риккертъ, относя къ явленіямъ культуры и государство, и право, и экономическій строй, и искусство, и религію и т. д. и считая задачей исторіи индивидуализирующее изученіе процесса возникновенія и развитія этихъ общеобязательныхъ культурныхъ цѣнностей, едва ли это нужно доказывать. Не подлежитъ спору и то, что исторія есть наука индивидуализирующая, ставящая себѣ задачей выясненіе конкретныхъ процессовъ культурнаго развитія въ ихъ индивидуальности. Вопросъ лишь въ томъ, ограничивается ли сфера ея научной компетенціи только этой индивидуализирующей функціей, является ли историческая наука только наукой объ индивидуальномъ, или же ей присуща, какъ и всякой другой наукѣ, и функція генерализирующая, и она, не переставая ни на минуту быть исторіей. является и наукой объ общемъ, въ своей собственной, исторической лабораторіи перерабатывающей историческую дѣйствительность въ общія

понятія, безъ которыхъ она, какъ и всякая другая наука, не можетъ функціонировать и въ качествѣ науки объ индивидуальномъ?

Если бы процессъ культурнаго развитія человѣчества представлялъ собою то, чѣмъ его изображала старая философія исторіи, стоявшая на всемірно-исторической точкѣ зрѣнія и видѣвшая въ исторіи отдѣльныхъ „историческихъ“ народовъ отдѣльные фазисы и ступени единаго и единственнаго процесса всемірной исторіи, то исторической наукѣ оставалась бы только исключительно индивидуализирующая задача выясненія этого единаго и единственнаго процесса въ его индивидуальности. Но вѣдь въ настоящее время мы очень далеки отъ всемірно-исторической концепціи старинной философіи исторіи, и для насъ представляется болѣе пріемлемой иная концепція, представляющая культурное развитіе человѣчества въ видѣ ряда соприкасающихся нерѣдко другъ съ другомъ, но по существу автономныхъ процессовъ, въ особенности, когда мы сосредоточимъ наше вниманіе на эволюціи хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ формъ и отношеній. Этимъ, конечно, не отрицается общеизвѣстный фактъ всякаго рода „рецепцій“, но изученіе его является болѣе сложной проблемой, чѣмъ оно казалось прежде, и притомъ проблемой внутренней, автономной и индивидуальной исторіи реципирующаго общества, прибѣгающаго для разрѣшенія собственныхъ, такъ сказать мѣстныхъ внутреннихъ задачъ къ средствамъ и формамъ, выработаннымъ внутреннимъ процессомъ развитія, совершавшемся въ другомъ обществѣ, раньше доразвившемся до этихъ средствъ и формъ. Расчленяя процессъ культурнаго развитія человѣчества на рядъ отдѣльныхъ и автономныхъ процессовъ, современная историческая наука признаетъ эти процессы въ основѣ сходными, аналогичными. Процессъ развитія каждаго отдѣльнаго человѣческаго общества, на которыя распадается „человѣчество“, не смотря на всѣ свои индивидуальныя особенности, въ основѣ своей представляетъ одну изъ многочисленныхъ варіацій на общую тему и въ цѣломъ, и въ отдѣльныхъ своихъ сторонахъ и частяхъ, и это, пови-

димому, становится наконецъ общепризнаннымъ фактомъ и въ научномъ обиходѣ науки русской исторіи, особенно долго отстаивавшей самобытность русскаго историческаго процесса, а въ настоящее время довольно громко и опредѣленно заговорившей и о русскомъ феодализмѣ и, повидимому, окончательно сознавшей необходимость подходить къ явленіямъ русскаго историческаго развитія, вооружившись широкимъ методологическимъ опытомъ и фактическимъ и идейнымъ запасомъ западно-европейской науки. На ряду съ интересомъ къ индивидуальному вполнѣ естественнымъ и законнымъ является въ исторической наукѣ и интересъ къ общему. Интересуясь тѣми индивидуальными формами, въ какихъ совершалось развитіе въ томъ или иномъ человѣческомъ обществѣ, историкъ съ неменьшимъ интересомъ наблюдаетъ и то общее, что присуще историческому развитію всѣхъ и каждаго изъ этихъ обществъ, подъ пестрымъ узоромъ индивидуальнаго старается вскрыть тѣ общія линіи развитія, которыя лежатъ въ основѣ индивидуальной эволюціи каждаго человѣческаго общества. Интересуясь французскимъ, или нѣмецкимъ, или англійскимъ, или русскимъ, или греческимъ, или римскимъ феодализмомъ во всей его индивидуальности, историкъ интересуется и тѣмъ, что обще всѣмъ этимъ разновидностямъ феодальнаго процесса и феодальнаго строя, тѣмъ, что дѣлаетъ этотъ процессъ и этотъ строй феодальнымъ процессомъ и феодальнымъ строемъ. Интересуясь тѣмъ, какъ развивалось то или иное индивидуальное человѣческое общество, историкъ интересуется и тѣмъ, какъ вообще развивалось и развивается человѣческое общество какъ таковое, какъ явленіе природы, какія стадіи въ своемъ развитіи оно проходитъ, какія постоянныя отношенія въ этомъ развитіи можно установить и формулировать въ видѣ законовъ. А ставя такіе вопросы, историкъ уже не можетъ довольствоваться изученіемъ конкретныхъ явленій, составляющихъ содержаніе индивидуальной исторіи даннаго общества, и долженъ расширить поле своихъ наблюденій и привлечь къ изученію конкретный матеріалъ индивидуальной исторіи ряда другихъ обществъ, чтобы путемъ сравни-

тельнаго изученія ряда индивидуальныхъ процессовъ историческаго развитія переработать сырой конкретный матеріалъ этихъ индивидуальныхъ процессовъ въ общія понятія о ходѣ развитія человѣческаго общества какъ такового или по крайней мѣрѣ о тенденціяхъ этого развитія. На ряду съ интересомъ историка къ хозяйственной, соціальной, политической и всякой иной эволюціи даннаго общества во всей ея индивидуальности является вполнѣ естественнымъ и правомѣрнымъ и его интересъ и къ хозяйственной, соціальной, политической и всякой иной эволюціи человѣческаго общества вообще, человѣческаго общества какъ такового, какъ явленія природы, къ формамъ и ступенямъ этой эволюціи; на ряду съ конкретно-историческимъ интересомъ къ общественному развитію естественнымъ является для историка и интересъ соціологическій; перерабатывая сырой конкретный матеріалъ экономической, соціальной, политической и всякой иной исторіи человѣческихъ обществъ въ понятія съ конкретнымъ, индивидуальнымъ содержаніемъ, въ конкретно-историческія категоріи, историкъ имѣетъ интересъ и къ переработкѣ его въ общія понятія, въ соціологическія категоріи и примѣняетъ къ этому дѣлу всѣ пріемы, выработанные исторической наукой, щепетильно внимательной ко всѣмъ оттѣнкамъ индивидуальнаго, тщательно изучающей всѣ индивидуальныя комбинаціи во всей ихъ индивидуальности прежде, чѣмъ использовать ихъ для конструированія общихъ понятій.

Но историкъ не только можетъ изучать конкретный матеріалъ историческаго развитія съ помощью генерализирующаго метода. Онъ долженъ это дѣлать. Чтобы понять, какъ шелъ индивидуальный процессъ феодализаціи средневѣковой Англіи и какія индивидуальныя формы онъ здѣсь выработалъ, онъ долженъ предварительно запастись общими понятіями о феодализаціи, феодализмѣ и о его типическихъ формахъ: не имѣя общихъ понятій о типическихъ формахъ феодализма и феодальнаго процесса, нельзя понять и даже нельзя замѣтить и той индивидуальной разновидности ихъ, какую представляетъ собою феодализмъ средневѣковой

Англіи, его возникновеніе и развитіе. Уже одна постановка вопроса объ особенностяхъ англійскаго феодализма совершенно немыслима безъ общихъ понятій о феодализмѣ и феодализаціи. Какъ и во всякой другой наукѣ, индивидуализирующее изученіе конкретнаго, индивидуальнаго предполагаетъ, какъ свою необходимую предпосылку, генерализирующее его изученіе, такъ и въ исторіи. Разглядѣть въ индивидуальной исторической комбинаціи то, что дѣлаетъ ее индивидуальной, можетъ только тотъ, кто знаетъ общее. Безъ общихъ, соціологическихъ понятій совершенно невозможна и немыслима историческая наука, даже если бы она ставила своей исключительной задачей индивидуализирующее изученіе сырого конкретнаго и индивидуальнаго матеріала историческаго развитія. И Риккертъ, какъ мы видѣли, вполнѣ признаетъ, что безъ общихъ понятій историческая наука не можетъ обойтись. Но откуда берутся эти общія понятія, каково ихъ логическое происхожденіе и логическое существо, онъ объ этомъ или вовсе ничего не говоритъ или же, какъ мы видѣли, говоритъ въ слишкомъ общихъ терминахъ. А между тѣмъ для выясненія логическаго существа исторической науки это вопросъ первостепенной важности. Для Риккерта эти общія понятія являются какъ будто чѣмъ-то, не то свойственнымъ всякому мыслящему человѣку вообще, не то чѣмъ-то, привносимымъ въ историческую науку извнѣ. Послѣ всего сказаннаго нами едва ли нужно подробно разъяснять ту мысль, что общія, соціологическія понятія, безъ которыхъ не можетъ обходиться историческая наука, даже если бы она ограничивала свою компетенцію однимъ лишь индивидуализирующимъ изученіемъ историческаго развитія, являются продуктомъ научной переработки сырого конкретнаго и индивидуальнаго матеріала этого развитія все той же исторической наукой, поскольку она интересуется и, какъ мы видѣли, вполнѣ правомѣрно, этимъ матеріаломъ съ точки зрѣнія общаго, желая выяснить то общее, постоянное, что скрывается подъ преходящей формой частнаго, индивидуальнаго, конкретнаго. Какъ и всякая другая

наука, и наука историческая по необходимости должна быть и наукой объ индивидуальномъ, и наукой объ общемъ; не ограничиваясь выясненіемъ индивидуальныхъ явленій и процессовъ историческаго развитія отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ и переработкой сырого матеріала этого развитія въ понятія съ индивидуальнымъ, конкретнымъ содержаніемъ, въ конкретно-историческія категоріи, историческая наука должна перерабатывать этотъ матеріалъ конкретнаго и индивидуальнаго историческаго развитія и въ общія понятія, въ общія соціологическія категоріи. Чтобы быть наукой объ индивидуальномъ, историческая наука, какъ и всякая другая наука, должна быть и наукой объ общемъ, а чтобы быть наукой объ общемъ, она должна быть наукой и объ индивидуальномъ. Только путемъ тщательнаго изученія индивидуальныхъ историческихъ комбинацій, какъ онѣ складывались въ рядѣ конкретныхъ обществъ въ ихъ индивидуальномъ историческомъ развитіи, историческая наука можетъ достигать своихъ генерализирующихъ цѣлей, установить и формулировать свои общія, соціологическія понятія; только съ помощью полученныхъ такимъ путемъ общихъ, соціологическихъ категорій она получаетъ возможность научно понять конкретныя, индивидуальныя историческія комбинаціи въ ихъ индивидуальности.

Какъ и всякая другая наука, и наука историческая и въ качествѣ науки объ индивидуальномъ, и въ качествѣ науки объ общемъ имѣетъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же конкретнымъ и индивидуальнымъ матеріаломъ и подходитъ къ нему съ одними и тѣми же общими понятіями. Разница лишь въ ея намѣреніяхъ въ томъ и въ другомъ случаѣ: въ то время, какъ ставя себѣ индивидуализирующія цѣли, являясь наукой объ индивидуальномъ, она видитъ въ своихъ общихъ соціологическихъ понятіяхъ лишь средство разобраться въ индивидуальномъ матеріалѣ, увидѣть въ немъ то, что въ немъ индивидуально, и конструировать его какъ индивидуальную комбинацію, индивидуальную форму общаго, во второмъ случаѣ, выступая съ намѣреніями генерализирующаго

свойства, она ищетъ въ данной индивидуальной исторической комбинаціи общее, смотритъ на нее какъ на индивидуальную форму игры общихъ силъ и тенденцій, какъ на индивидуальную варіацію на общую тему, въ данный моментъ какъ разъ и интересующую ее и уже формулированную въ тѣхъ общихъ понятіяхъ, съ которыми она къ этой индивидуальной комбинаціи подступаетъ, и ея главный интересъ—провѣрить на этой индивидуальной комбинаціи заранѣе данную формулировку, углубить, видоизмѣнить или отвергнутъ эти общія, соціологическія предпосылки, явившіяся результатомъ предшествовавшей генерализирующей работы надъ индивидуальнымъ.

Желая по возможности отчетливо изобразить существо и различіе этихъ логическихъ операцій, которыя совершаетъ историкъ, когда онъ ставитъ себѣ то индивидуализирующія, то генерализирующія задачи, невольно впадаешь въ схематизмъ, для ясности рѣзко расчленяя то, что въ процессѣ научной исторической работы совершается менѣе членораздѣльно. Во всякомъ случаѣ въ исторической наукѣ эти логическія операціи по существу ничѣмъ не отличаются отъ того, что въ этомъ смыслѣ происходитъ во всякой другой наукѣ и что характерно для ихъ логическаго существа не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ и для ея собственнаго. Историческая наука ничѣмъ не отличается по своему логическому существу, по своему логическому стилю отъ всякой другой науки: она является и наукой объ индивидуальномъ, и наукой объ общемъ и не можетъ не быть наукой объ общемъ, даже если бы и стремилась ограничить свою сферу исключительно индивидуальнымъ. Только твердо, опредѣленно и открыто становясь на почву генерализирующей науки, только сознательно и ясно поставивъ себѣ задачу генерализирующаго изученія конкретнаго и индивидуа́льнаго историческаго развитія человѣческихъ обществъ и переработки его въ общія, соціологическія категоріи, историческая наука будетъ имѣть прочную теоретическую основу для своихъ индивидуализирующихъ операцій, которыя въ противномъ случаѣ принуждены будутъ

пробавляться руководящими теоретическими указаніями болѣе или менѣе кустарнаго и случайнаго свойства, а то и просто продолжать пользоваться архаическимъ арсеналомъ философско-историческихъ идей временъ минувшихъ и иногда очень далекихъ. Какъ бы историкъ ни оберегалъ свою науку отъ генерализирующихъ тенденцій (а эта боязнь генерализаціи еще очень сильна среди многихъ историковъ, охраняющихъ чистоту логическаго стиля исторической науки, какъ они его понимаютъ, и старательно отмежевывающихъ себя отъ соціологовъ), онъ совершенно не можетъ обойтись въ своей индивидуализирующей работѣ безъ общихъ предпосылокъ, сознательно или безсознательно направляющихъ его работу, научная цѣнность которыхъ въ большинствѣ случаевъ весьма проблематична. Давно пора историкамъ разъ навсегда освободиться отъ этого страха передъ соціологіей, имѣющаго, правда, нѣкоторое основаніе въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя они довольно таки часто получали еще во дни своей юности отъ очень ужъ упрощенныхъ пріемовъ профессіональныхъ соціологовъ, отечественныхъ и иностранныхъ, скомпрометировавшихъ соціологію въ глазахъ осторожныхъ и вооруженныхъ строгими научными пріемами историковъ, и открыто и смѣло занять опредѣленно генерализирующую, по существу соціологическую позицію, откровенно признавъ, что историческая наука ничѣмъ не отличается по своему логическому существу отъ всякой другой науки, что, только обезпечивъ себя строго научными общими, соціологическими понятіями съ помощью переработки конкретнаго и индивидуальнаго матеріала историческаго развитія человѣческихъ обществъ посредствомъ тѣхъ строгихъ пріемовъ историческаго изслѣдованія, какіе она успѣла выработать за время продолжительнаго своего существованія, она можетъ дѣйствительно вполнѣ научно ставить и разрѣшать и свои задачи какъ науки объ индивидуальномъ. Свои общія понятія, безъ которыхъ она не можетъ обойтись, какъ и всякая другая наука, исторія должна выработать въ своей собственной лабораторіи, а не случайно брать ихъ со стороны. Только опредѣленно и строго

методически ставя себѣ соціологическія задачи и разрѣшая ихъ съ помощью строгихъ пріемовъ историческаго изслѣдованія, только становясь соціологіей, историческая наука станетъ на вполнѣ твердую почву и какъ наука объ индивидуальномъ. Только стоя на точкѣ зрѣнія Риккерта, можно говорить объ „обходномъ пути“ общихъ понятій, на который все-таки принуждена вступать историческая наука „для изображенія и связыванія объектовъ между собою“ [1]), и о томъ, что исторія интересуется только тѣмъ, что въ культурныхъ процессахъ своеобразно и индивидуально, а то, что у нихъ есть общаго съ другими процессами, т. е. что составляетъ ихъ естественно-научную сущность, несущественно для историческихъ наукъ о культурѣ“ [2]).

Тѣ общія понятія, которыя необходимы для исторической, какъ и для всякой другой науки въ ея индивидуализирующемъ обиходѣ и которыя она вырабатываетъ въ своей собственной, исторической лабораторіи, представляютъ собою не историческія, а соціологическія, по существу систематическія категоріи, какъ и общія въ строгомъ смыслѣ слова понятія всякой другой науки, въ которыя она перерабатываетъ конкретную и индивидуальную дѣйствительность, поскольку она функціонируетъ въ качествѣ науки объ общемъ. Историческими категоріями являются тѣ категоріи, въ которыя перерабатываетъ свой сырой матеріалъ историческая наука, когда она задается индивидуализирующими цѣлями, тѣ понятія съ индивидуальнымъ и конкретнымъ содержаніемъ, которыя примѣнимы лишь къ данной индивидуальной, ограниченной опредѣленными границами мѣста и времени исторической комбинаціи и являются по существу конкретно-историческими категоріями. Историческая наука перерабатываетъ конкретную историческую дѣйствительность въ систематическія, соціологическія категоріи, въ идеально-типическія чистыя понятія, чтобы съ ихъ помощью понять и научно истолковать каждую данную ин-

[1]) Г. Риккертъ. Философія исторіи, стр. 40, 73.

[2]) Г. Риккертъ. Науки о природѣ и науки о культурѣ, стр. 142—3

дивидуальную и конкретную историческую комбинацію въ ея индивидуальности. Въ полной общности и общепримѣнимости, въ чисто абстрактной сущности соціологическихъ категорій, являющихся систематическими категоріями исторической науки, и вся ихъ научная сила, ихъ способность служить тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ историческая наука, ничѣмъ не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ всякой другой науки, ихъ образуетъ. Только вполнѣ отрѣшенныя отъ всего конкретнаго, временнаго и индивидуальнаго, характернаго для того сырого матеріала историческаго развитія, результатомъ переработки котораго онѣ явились, эти систематическія категоріи исторической науки, какъ и систематическія категоріи всякой другой науки, могутъ быть пригодны для отвѣтственной роли свѣтильниковъ въ чрезвычайно сложномъ и подчасъ запутанномъ лабиринтѣ конкретной и индивидуальной дѣйствительности, которую индивидуализирующій историкъ долженъ понять и истолковать въ ея индивидуальности. Историка не должно смущать то, что, являясь продуктомъ научно-исторической работы надъ матеріаломъ конкретной дѣйствительности, что, выйдя изъ его чисто исторической лабораторіи, эти общія понятія исторической науки являются не историческими, т. е. не конкретно-историческими, а чисто систематическими категоріями. Такова логическая природа общихъ понятій и всѣхъ другихъ наукъ; а историческая наука ничѣмъ по своему логическому существу и стилю отъ другихъ наукъ не отличается, поскольку она хочетъ быть подлинной наукой въ ея индивидуализирующемъ и въ ея генерализирующемъ аспектѣ. Если, говоря объ общихъ понятіяхъ исторической науки, примѣнять, по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, слово законъ, то ясно, что не можетъ быть рѣчи объ историческихъ законахъ, что можно говорить лишь о законахъ соціологическихъ.

Говоря о конкретно-историческихъ и о соціологическихъ, чисто систематическихъ категоріяхъ исторической науки, мы разумѣемъ категоріи, которыя создаетъ историческая наука въ работѣ надъ матеріаломъ историческаго развитія человѣческихъ обществъ, относящемся къ самымъ различнымъ

сторонамъ историческаго процесса, развивающагося внутри этихъ обществъ: къ хозяйственной его сторонѣ, соціальной, политической и т. д. Историческая наука въ равной мѣрѣ интересуется всѣми сторонами историческаго процесса, вполнѣ отчетливо сознавая тѣснѣйшую органическую связь между всѣми его сторонами и невозможность трактовать изолированно каждую изъ сторонъ въ отдѣльности. Въ настоящее время все это стало общепризнаннымъ положеніемъ, и мы бы не стали говорить объ этомъ, если бы съ этимъ не былъ связанъ одинъ вопросъ, далеко не одинаково разрѣшаемый въ современномъ научномъ обиходѣ. Историческая наука въ равной мѣрѣ интересуется и экономической эволюціей, и соціальной, и политической, и правовой, и эстетической, и научной и т. д. и т. д. Кто является субъектомъ всѣхъ этихъ интересовъ? Не скрывается ли подъ общимъ названіемъ „историческая наука“ цѣлый рядъ отдѣльныхъ, конечно, тѣсно связанныхъ между собою (какъ тѣсно связаны между собою и тѣ отдѣльныя стороны историческаго процесса, которыя онѣ изучаютъ), но тѣмъ не менѣе вполнѣ автономныхъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ, каковы экономическая или хозяйственная исторія, соціальная исторія, исторія политическая въ смыслѣ исторіи политическаго развитія и политическихъ формъ, исторія права, исторія искусства, исторія религіи, исторія науки и т. д. и т. д.? Не есть ли „исторія“ (такъ называемая, въ отличіе отъ спеціальной исторической дисциплины, чистая исторія) лишь общее названіе для цѣлаго ряда спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ, а „исторіи“ какъ особой, отдѣльной отъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ науки въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, хотя она и обозначена всѣми буквами въ росписаніяхъ лекцій и въ обозрѣніяхъ преподаванія историко-филологическихъ и другихъ факультетовъ и отдѣленій? Мы очень склонны думать, что этотъ вопросъ разрѣшается въ положительномъ смыслѣ, что строго научная историческая работа только и можетъ быть спеціальной, т. е. относящейся къ той или иной сторонѣ историческаго процесса безотносительно къ тому, ставитъ ли

себѣ историкъ индивидуализирующія или генерализирующія цѣли. Да такой въ дѣйствительности она и является, поскольку рѣчь идетъ о настоящихъ научныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. И историкъ хозяйства, и историкъ соціальныхъ отношеній, и историкъ политическаго развитія изучаетъ свой матеріалъ или съ индивидуализирующей, или съ генерализирующей точки зрѣнія, имѣя въ виду или выяснить ту или иную индивидуальную хозяйственную, соціальную, политическую и т. п. историческую комбинацію, или же построить общія, соціологическія, по существу систематическія категоріи, которыя бы дали имъ возможность разрѣшать и свои индивидуализирующія проблемы въ области исторіи хозяйства, соціальнаго строя или политическаго развитія. Установленіе связей между явленіями разныхъ эволюцій, изъ совокупности которыхъ состоитъ историческій процессъ каждаго общества, достигается общими, но раздробленными усиліями спеціальныхъ историковъ, потому что задачей, имманентной каждой отдѣльной исторической дисциплинѣ, является выясненіе генезиса и развитія явленій ея спеціальной области въ тѣснѣйшей связи со всѣми другими сторонами жизни. Если подъ чистымъ историкомъ разумѣть какую-нибудь реальную категорію, то таковой является ученый, совмѣщающій въ своемъ лицѣ нѣсколькихъ спеціальныхъ историковъ, что, конечно, даетъ ему большую возможность устанавливать связи между явленіями параллельныхъ эволюціи, чѣмъ это можетъ быть доступно болѣе узкому спеціалисту-историку, но не создаетъ особой науки „чистой“ исторіи. Въ виду этого для насъ не совсѣмъ ясно принципіальное различіе между „историкомъ, изучающимъ хозяйственный бытъ“, и „экономистомъ, истолковывающимъ историческую дѣйствительность“ [1]), какъ не ясна и мысль, что систематическія категоріи исторіи хозяйственнаго быта какъ самостоятельной дисциплины представляютъ собою систематическія категоріи теоретической политической экономіи, „логическія построенія, отправляющіяся отъ какого-либо

[1]) П. Струве. Теорія политической экономіи и исторія хозяйственнаго быта. „Извѣстія Петрогр. Политехн. Институт.“ 1913 г., т. XX.

единаго принципа“ [1]), а не систематическія категоріи, являющіяся продуктомъ переработки сырого конкретнаго и индивидуальнаго матеріала экономическаго развитія человѣческихъ обществъ экономической исторіей, поскольку она является, какъ и всякая другая спеціальная историческая дисциплина и какъ всякая другая наука вообще, наукой объ общемъ, представляя собою въ то же время, какъ и всякая другая наука, и науку объ индивидуальномъ. Не ясно для насъ и стремленіе историка - экономиста элиминировать самое понятіе „историческихъ категорій“: то обстоятельство, что въ экономической и историко-экономической наукѣ недостаточно ясно понимали логическую природу этихъ категорій и заставляли ихъ, не взирая на ихъ конкретно-историческую сущность, „нести непосильную для нихъ теоретическую службу“, не можетъ упразднить ихъ и присущую имъ функцію—обслуживать очень серьезныя потребности экономической исторіи какъ науки объ индивидуальномъ, необходимымъ продуктомъ и максимальнымъ теоретическимъ (въ смыслѣ возможности теоретическихъ построеній) предѣломъ которой онѣ и являются.

Библиотека Коммунистической Академии.

[1]) Ibid.